

Николай Сергеевич ЧИЖОВ¹
Сергей Анатольевич КОМАРОВ²

УДК 821.161.1

МЕТАСЮЖЕТ ВОЗВРАЩЕНИЯ В ПОЭЗИИ ИВАНА ЖДАНОВА

¹ аспирант кафедры русской литературы,
Тюменский государственный университет
chizhov.n.s@rambler.ru

² профессор кафедры русской литературы,
Тюменский государственный университет
vitmark14@yandex.ru

Аннотация

Целью исследования является определение особенностей функционирования метасюжета возвращения как инвариантной модели лирической событийности в текстах И. Жданова. В статье обосновывается актуальность изучения поэтики и аксиологии творчества классических и неклассических поэтов с точки зрения выявления ведущего метасюжета, воплощенного через систему базовых мотивов в основном корпусе их стихотворных текстов. Устанавливается, что смысловой потенциал метасюжета в поэзии автора книги «Воздух и ветер» определяется проекцией на христианскую (притчевый сюжет о блудном сыне), античную (миф об Одиссее) и ритуально-обрядовую традиции. В основе последней лежит миф о вечном возвращении и переходный обряд инициации, согласно которому адепт проходит ритуальный путь духовного становления, включающий фазу символического умирания и возрождения (возвращения).

В работе доказывается, что данные культурные контексты в творчестве поэта наделяются новой семантикой, становятся у ждановского человека знаками возвращения как духовного преодоления индивидуалистской обособленности от других людей, оторванности от Бога и отчужденности от природного мира в процессе мистериального преобразования бытия. В статье фиксируется воплощение метасюжета возвращения,

Цитирование: Чижов Н. С. Метасюжет возвращения в поэзии Ивана Жданова / Н. С. Чижов, С. А. Комаров // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2016. Том 2. № 4. С. 100-112.

DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-4-100-112

во-первых, на уровне отдельных мотивов, частотно распределенных в стихотворных текстах автора, во-вторых, в отдельных текстах, в которых выявляется один из элементов метасюжета, в-третьих, на уровне текста или группы текстов, где в поэтических образах конкретизируется полная или редуцированная метасюжетная модель.

Исследователями делается вывод, что стремление к духовному обновлению человеческого сознания и восстановлению первоначального единства людей и целостности мира выступает искомой доминантой художественного мышления И. Жданова, определяющей появление метасюжета возвращения в его творчестве.

Ключевые слова

И. Жданов, возвращение, мифологема «блудного сына», метасюжет и его фазы, неклассический тип поэзии.

DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-4-100-112

В современном отечественном литературоведении к изучению творчества представителей классической и неклассической лирики все чаще подходят с позиции выявления метасюжета, определяющего основную смысловую направленность лирических событий в стихотворных текстах. Одним из первых данный подход применил Ю. И. Левин: в поэзии Ф. Тютчева он рассматривал воплощение «глобального инварианта, а именно единого архисюжета, вариациями и реализациями которого являются почти все стихотворения <...>, играющего роль основного мифа» [9, с. 143]. Архисюжет является контекстуальным синонимом метасюжета, на это указывает, в частности, О. В. Зырянов, когда, обращаясь к поэзии Ф. Тютчева под таким же методологическим углом, что и Ю. И. Левин, использует оба понятия. Сравним: «Он (Ю. И. Левин — Н.Ч.) <...> устанавливает ситуационную динамику их развертывания в конкретных текстах поэта, прочерчивая тем самым инвариантный сюжет его творчества. В самом общем виде данный инвариант, или «архисюжет» <...> инвариантная схема тютчевского метасюжета изначально (пусть, может быть, и в имплицитном виде) содержит существеннейшие моменты христианской антропологии» [8, с. 53]. Наряду с тютчевским О. В. Зырянов изучает пушкинский и лермонтовский метасюжеты и обосновывает, что они восходят к инвариантному для русской классической поэзии сюжету преображения. Источником каждого метасюжета, с точки зрения исследователя, становятся «основные догматы», определяющие «имманентную философию» художника, или его поэтическую онтологию», что «залегает значительно глубже» сознания и «принадлежат семиотике культуры и исторической психологии» [8, с. 46]. Н. Л. Лейдерман также считал, что исследование метасюжета предполагает «поиск некоей общей идеи, общего тайного плана, динамически развивающегося в книге по мере ее вырастания как художественного целого» [11, с. 87].

В «поэтической онтологии» Ивана Жданова, одного из самых значительных русских поэтов последней четверти XX в., «основным догматом», с нашей

точки зрения, является идея возвращения. Ее художественная реализация приводит к формированию инвариантной сюжетной формы, определяющей развитие лирических событий в стихотворных текстах поэта. Цель данной работы — системно представить феномен возвращения как механизм воплощения инвариантной модели метасюжетной событийности в стихотворных текстах И. Жданова.

Начиная свой творческий путь в кризисной социокультурной ситуации 70-80-х гг. XX в., автор книги «Воздух и ветер», как и другие представители неподцензурной поэзии, отталкивался от идеологии и эстетики официальной литературы, в частности, поэзии шестидесятников с их жизнеутверждающей оценкой возможностей развития советской цивилизации. Но, в отличие от поэтов-постмодернистов, ориентировавшихся на демифологизацию и «диалог с хаосом» [12, с. 379], И. Жданов придерживался модернистской установки на мифотворчество, с помощью которого возможно создание модели гармонично устроенного бытия (Космоса) — модели функциональной и действенной в новых культурно-исторических условиях и в инобытийной перспективе.

Учитывая, что художественный мир Жданова формируется в диалоге и полемике с христианской традицией [3, с. 111], закономерно появление в стихотворных текстах поэта отдельных мотивов блудного сына и сюжета о его возвращении: «...там свадьбами гудят и лед, и холода, /там ждут отец и мать к себе немого сына,/а он глядит в окно и смотрит в никуда» [6, с. 78]. В притчевом сюжете, согласно христианской традиции, символически раскрывается смысл бытия и парадигматический вектор истории человечества. Его конечной точкой является «пир Воскресения, уже пир жизни вечной, трапеза Агнца, пир Царствия. Сын, который был мертв, ожил; он, потерявшийся в земле чуждой, в безвидной пустыне, как говорится в начале книги Бытия, вернулся домой. Отныне сын в Царстве, потому что Царство это — Царство Любви, Царство Отца, Который любит его, спасает, восстанавливает и возвращает к жизни» [2].

Современные исследования показали уникальную востребованность и продуктивность данного сюжета в отечественной словесной культуре. Так, специалистами сибирского отделения РАН было установлено воплощение сюжета о возвращении блудного сына от «Слова о полку Игореве» до стихотворений О. Седаковой [18]. Э. А. Радь раскрывает механизм «порождения сюжетных модификаций» библейского сюжета в русской литературе и определяет особенности их моделирования авторским сознанием [16, с. 7]. Исследователь выделяет два типа произведений, образующих систему «модификаций» библейского сюжета: к первому относятся «сочинения, где притча о блудном сыне сохранена в своем первоначальном композиционном построении, либо с прямыми воспроизведениями сюжетной канвы притчи»; второй тип, на ее взгляд, характеризуется наличием «сюжета в значительно измененном виде, это случаи актуализации притчи без воспроизведения ее сюжета в тексте» [16, с. 11]. В отношении поэзии Жданова следует говорить о совмещении данных типов,

т. к., с одной стороны, в стихотворных текстах поэта сохраняется фабульная заданность духовного пути блудного сына, в которой очевидны некоторые принципиальные черты христианской аксиологии, с другой же — Жданов существенно изменяет идейную составляющую притчевых событий, формируя на данной основе собственный миф.

Обратимся к ждановскому тексту «Возвращение» и проследим, как в художественной версии поэта трансформируется каноническое понимание притчeveго сюжета. Возвращение блудного сына в тексте представлено в трех ракурсах, определяющих динамику развития лирического сюжета. В первой вариации возвращение для героя выступает действительно желанным событием, к совершению которого он приходит «на пределе надежды, близкой к утрате». Однако, в отличие от библейского сюжета, где сына встречает отец, увидевший его, когда он был еще далеко, и побежавший ему навстречу, у современного поэта на стук героя в дверь отзывается мать, в сознании сына не прощающая, а, наоборот, осуждающая его: «Выйдет мать на крыльцо, и в знакомом “Кто?”/отзовется облик в отпетом пальто,/отмелькавшем еще в довоенных зимах./Грянет эхо обид, неутоленных, мнимых,/мутью повинных дней, остепеняясь в ничто» [6, с. 124].

Во втором ракурсе блудный сын показан как тот, кто не прошел путь духовного очищения и не осознал всей тяжести возвращения: «несказанно, как дождь, необученный плачу,/словно с долгов своих смог получить он сдачу/в виде воскресших дней, — это такой пустяк». В третьем случае герой представлен в перспективе своего возвращения, но он, при сравнении с блудным сыном, изображенным в начале стихотворения, четко осознает цель своего духовного пути, понимая необходимость разрешения прошлого («неутоленных, мнимых» обид) через покаяние — единственный способ, согласно аксиологии Жданова: «Благословен, чей путь ясен и прост с утра,/кто не теряет затылком своим из виду/цель возвращенья и облаков номера/помнит среди примет, знавших его обиду!» [6, с. 124-125].

Образ матери и его образное окружение отсылает к русской поэтической традиции XX в., в частности, к знаменитому стихотворению С. Есенина, где тема блудного сына отчетливо прослеживается: «Пишут мне, что ты, тая тревогу,/Загрустила шибко обо мне,/Что ты часто ходишь на дорогу/В старомодном ветхом шушуне.//<...>я по-прежнему такой же нежный/И мечтаю только лишь о том,/Чтоб скорее от тоски мятежной/Воротиться в низенький наш дом». Очевидно, что образ матери в «отпетом пальто» у Жданова, возникший в сознании героя, контекстуально коррелирует с образом есенинской матери, что так часто ходит «на дорогу/в старомодном ветхом шушуне» [4, с. 183-184]. В данном контексте эпитет «отпетый» прочитывается не только в значениях «неисправимый, безнадежный в своих недостатках» и связанный с обрядом отпевания [14, с. 475], но и как метатекстовый элемент, указывающий на использование подобного образа старшим поэтом, за которым закрепилась в народе слава певца «страны березового ситца» [14, с. 118].

Если родовая семантика образа матери у Есенина имеет преимущественно индивидуально-биографическую мотивировку и выражается в форме эпистолярного откровения лирического героя, то у Жданова она расширяется до общечеловеческого масштаба. В этом плане материнский дом становится воплощением понимания мира с позиции семейной целостности. Идея одомашненности мира в творчестве Жданова предполагает гармоничное соединение культурной и природной сфер бытия, при этом природный мир выступает «неразменной» созидательной основой, поэтому восстановление целостности всего мироздания возможно только путем интегрирования в его космологическое лоно. Не случайно в стихотворных текстах поэта образы, символизирующие гармоничный Космос, отсылают к архаическому мировосприятию, постулирующему единство человека и окружающего его природного мира: «И тогда мы пойдем, соберемся и свяжемся в круг,/горизонт вызывая из мрака сплетением рук,/и растянем на нем полотно или горб черепахи,/долгополой рекой укрепим и доверимся птахе,/и слонов тяготенья найдем для разгона разлук» [6, с. 102].

Учитывая присутствие в поэзии Жданова символа Великой матери (например, текст «Оранта»), можно предположить, что мать здесь приобретает архетипические черты «высшего женского существа, воплощающего психологическое ощущение смены поколений, преодоления власти времени, бессмертия» [1, с. 111]. Интересно, что с последним значением архетипического образа соотносится направленность творчества Жданова на постижение стихии чистой длительности настоящего времени, возможное, «когда твое “я” сосредоточено в Боге так, что “я” растворяется, не лишаясь личностного начала» [6, с. 152-153]. В результате происходит разрешение проблемы осознаваемого и переживаемого восприятия времени как полюсов человеческого бытия.

В контексте обращения поэта к притчевому сюжету о блудном сыне значение образа материнского дома и возвращения в него раскрывается в инобытийной перспективе, в частности — через идею воскресения. Однако каноническое понимание центральной христианской мифологемы не принимается поэтом. Главный его вопрос — об отсутствии определенных координат места вечной жизни: «Что воскресенье? — это такой зазор,/место, где места нет, что-то из тех укрытий,/что и ножны для рек или стойла для гор,/вырванных навсегда из череды событий» [6, с. 125]. При этом «воскресение» — одна из самых употребительных лексем в прозаических и стихотворных текстах Жданова. Анализ, проведенный на материале текстов книги «Воздух и ветер», показал 26 случаев ее использования. Такой показатель, помимо программного интереса поэта-метафизика, связан с тем, что интенция воскресения в поэтическом контексте, с одной стороны, сохраняет связь с христианской традицией, а с другой — определяет ждановскую идею возвращения и становится ее смысловым эквивалентом.

Для И. Жданова принципиально отождествление воскресения с любовью и Богом [6, с. 133]. Сравним: «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» [15, с. 1219]. При этом любовь, согласно силлоги-

ческому определению Жданова, — это еще и «наполненность и стремление к полноте» [6, с. 133], что соответствует онтологической цели героя (блудного сына) в рассматриваемом тексте: «Знать бы, в каком краю будет поставлен дом/ тот же, каким он был при роковом уходе,/можно было б к нему перенести тайком/ то, что растратить нельзя в нежити и свободе» [6, с. 125].

Воскресение также трактуется поэтом как возвращение в Дом, но только в том случае, когда «табличка всегда остается цельной», т. к. «расстояния между обломками не существует» [6, с. 132]. Другими словами, воскресение «всегда владеет нерастрачиваемым временем» [6, с. 132], или «происходит всегда и во времени не нуждается, хотя оно и не враг времени» [6, с. 133]. Дом в таком понимании, как удачно определила О. А. Дашевская, становится, прежде всего, воплощением «идеальной устойчивости нашего духа» [3, с. 113], поэтому, говоря стихами самого поэта, ему «начала нет во времени, если не в сердце оно» [6, с. 113].

Выражение данной семантики дома в тексте «Возвращение» происходит на уровне субъектной организации: в первой и второй частях герой (блудный сын) представлен в форме личного местоимения 3 лица, причем, как было показано выше, в его описании наличествует положительная динамика, обусловленная степенью актуализации нравственно-метафизического потенциала личности. В начале третьей части характеристика героя не получает подобного грамматического выражения, в результате происходит ее расширение до возможности множественной личностной интерпретации: «Благословен, чей путь ясен и прост с утра,/кто не теряет затылком своим из виду/цель возвращенья и облаков номера/помнит среди примет, знавших его обиду!».

Наконец, в последнем четверостишии герой, выступающий в качестве объекта поэтического высказывания, совмещается с субъектом, смысловой диапазон которого, в силу лирического события, подключает и авторское начало: «Знать бы, в каком краю будет поставлен дом/тот же, каким он был при роковом уходе,/можно было б к нему перенести тайком/то, что растратить нельзя в нежити и свободе» [6, с. 125]. Поскольку во второй строке данного сегмента текста дом обозначается такой же местоименной формой, что и герой в начале стихотворения, на синтаксическом уровне происходит своего рода смысловая инверсия, приводящая к параллелизму пространственной доминанты и субъекта. Неразличение субъекта и объекта становится знаком потенциальной возможности возвращения к цельности духовного мира человека и формирования им (совместно с окружающим миром) единого космоса жизни.

Философско-художественное смещение событий, связанных с блудным сыном, с оси христианской аксиоматики привело к актуализации в творчестве Жданова архетипической основы библейской притчи. В. И. Тюпа, ориентируясь на работы В. Я. Проппа и М. Элиаде, определяет в качестве таковой переходный обряд инициации, «протосюжетная схема» которого «складывается из четырех <...> структурообразующих фаз: фаза ухода (расторжение прежних родовых связей индивида) — фаза символической смерти — фаза символического пре-

бывания в стране мертвых (обретение искушенности: знаний и навыков взрослой жизни, накопленных предками) — фаза возвращения (символическое возрождение в новом качестве)» [19, с. 112].

На возможность рассмотрения событий под ритуально-мифологическим углом в стихотворных текстах Жданова указывают такие мотивы, как вхождение в мир деструктивных хаотических сил (например, ветра), рассогласованность между людьми, «отпадение» от Бога, пребывание субъекта/героя в потустороннем мире, двойничество и встреча с двойником, мистериальное преобразование субъекта/героя, преодоление им разрыва с Богом и обретение цельности, и др. В этом плане показателен мотив высвобождения героя из замкнутого пространства, символизирующий его духовное возрождение: «Ты, как рану, цветок вынимаешь из пут /недосчитанных кем-то минут» [6, с. 110]; «И ты клюв разжимаешь ножом/в ожидании праведной вести,/ты выходишь на сушу вдвоем/с сокровенной любовью, и гром/ставит знак очистительной мести» [6, с. 114].

Данный образ вполне соотносится с типичным для инициации символом проглатывания «чудовищем» адепта и его последующим освобождением «из чрева (например, Иона в чреве кита)» [13, с. 21]. К тому же блудный сын в художественном мире Жданова соотносится с героем античных мифов Одиссеем (поэтический цикл «Поезд»), возвращение которого в научной традиции трактуется как прохождение инициации [10, с. 544]. Характерно, что в диалоге-комментарии своих пятнадцати стихотворений поэт прямо указывает на зависимость между данными архетипическими образами: «Одиссей становится блудным сыном, потому что ни тот, ни другой в сиюминутной изменчивости не успевают измениться радикально, т. е. завершить всю полноту мифа, закончить его сюжет» [5, с. 20].

В. И. Тюпа раскрывает особенности инициации только относительно преобразования единичной личности, хотя, как известно, в первобытных обществах данный обряд выполняет космогоническую функцию. Именно с этих позиций Т. Л. Рыбальченко обращается к инициации и рассматривает ее, основываясь на ритуально-мифологических исследованиях М. Элиаде и М. Евзлина, как «генетический источник ситуации возвращения»: субъект, получив сакральные знания «об ином, высшем или аномальном, мире», воплощал их «в земном мире», совершая «космотворение по найденному высшему образцу» [17, с. 58-59].

Нужно отметить, что возможность подобной интерпретации выводится из рассуждений В. И. Тюпы: исследователь определяет в качестве «субстрата жизненного содержания» для «мирового сюжета», восходящего к «протосюжету инициации», рассказ о том, как пришедший из чужих земель герой, пройдя смертельно опасные испытания, становится мужем царской дочери и новым царем [19, с. 114]. М. Элиаде, ссылаясь на исследования А. М. Хокарта, указал на «глубинное сходство» инициации и церемониала «возведения на трон». С последним, точно так же «как с заключением очередного брачного союза, с рождением очередного ребенка и т. д.» [20], для первобытного сознания связывалось начало нового цикла обновленного Космоса.

Идея возвращения, что показала Т. Л. Рыбальченко на материале русской реалистической прозы, становится одной из характерных примет отечественного художественного мышления в 1950-1990-х гг. Однако в русской литературе этого периода, согласно исследователю, возвращение происходит без космологического утверждения субъектом в изменившемся мире обретенных ценностей [17, с. 62]. Такую ситуацию исследователь связывает с тем, что в новейшей литературе начинает доминировать картина мира, «где бытие предстает как Целое, но не как Целостность, где истина не наличествует, не дается медиумам, а предстает как версия, как направленность в постижении меняющейся реальности и безграничного метафизического бытия» [17, с. 61].

В этом плане показательным является случай «деревенской прозы». По мнению Т. Л. Рыбальченко, писатели-традиционалисты, трактовавшие возвращение в аспекте «коррекции индивидуальных ценностей ценностями традиционными, родовыми, соборными», открывают трагическую «невозможность» его осуществления. В частности, у В. Распутина, который, как и Жданов, создает в творчестве метафизическую картину мира — только не универсальную, а отнесенную к «национальному мировидению» [7, с. 57], сакральное обновление профанного бытия, с точки зрения исследователя, «остается только как авторский идеал, действительность же открывается в изменчивости, направленной к концу» [17, с. 67].

В творчестве Жданова линейная необратимость времени и соответствующая ей неразрешимая тяжесть бытия переживаются как трагическая предопределенность истории мира, выраженная посредством лирического моделирования эсхатологических событий: «Такую ночь не выбирают — /Бог-сирота в нее вступает,/и реки жмутся к берегам./И не осталось в мире света,/и небо меньше силуэта/дождя, прилипшего к ногам» [6, с. 34]. Стремление к «всеобщему радикальному обновлению, к *renovatio*, способному в корне изменить его существование» [21], и поиски культурно-религиозной почвы для его осуществления в поэзии Жданова привели к возрождению на новом мифопоэтическом уровне архаических моделей регулирования единства людей и целостности мироздания.

В одной из прозаических миниатюр книги «Воздух и ветер» И. Жданов определяет воскресение как «возвращение посланника к тому, кто его послал, и оно не может произойти никаким иным путем, как через смерть; здесь путь из бытия через небытие в сверхбытие, в вечность» [6, с. 133]. По нашему мнению, данный путь предполагает не только сверхбытийное состояние субъекта, достижение которого автором связывается с его физической смертью, но и воплощение определенной онтологической программы действий. Ее, в логике наших рассуждений, можно интерпретировать как прохождение ритуально-мифологического пути становления. Конечной фазой последнего является возвращение-воскресение как отдельного человека, так и всего человечества «в новом качестве», в единстве с Богом и миром.

Не случайно в программном высказывании поэта о смысле творчества акцентируется внимание на том, что в утверждении гармонии мира, представлен-

ной в образе парчи, накинутой на «вечность, дух», необходимо, во-первых, исходить из наличия этой духовной основы, т. к. она — «наша цельность, условие гармонии против нашей разорванности и т. п.», а во-вторых, «идти от преодоления этой парчи», потому что «в наше время она — гноище, язвище», поэтому «остается порвать ее, и если за ней бездна — пройти бездну, иного не остается» [6, с. 155].

Таким образом, в «поэтической онтологии» Ивана Жданова «основным догматом» [8, с. 46] является идея возвращения, а ее воплощение в стихотворных текстах поэта определяет возникновение инвариантной модели развития лирических событий, которую можно обозначить как метасюжет возвращения. Структурным ядром в ждановском метасюжете становится событие прохождения лирическим «я» духовного пути преобразования и утверждения (совместно с другими людьми) полученного метафизического опыта в мистериальном акте обновления Космоса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев С. С. Архетипы / С. С. Аверинцев // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. М.: Советская энциклопедия, 1980. Т. 1. С. 111.
2. Антоний Сурожский. Притча о блудном сыне. URL: <http://www.pravoslavie.ru/2108.html>
3. Дашевская О. А. Мифотворчество В. Соловьева и «соловьевский текст» в поэзии XX века / О. А. Дашевская. Томск: Изд-во Том.ун-та, 2005. 150 с.
4. Есенин С. А. Стихотворения и поэмы / С. А. Есенин. М.: Художественная литература, 1976. 317 с.
5. Жданов И. Диалог-комментарий пятнадцати стихотворений Ивана Жданова / И. Жданов, М. Шатуновский. М.: Издательство Университета истории культур, 1998. 88 с.
6. Жданов И. Ф. Воздух и ветер. Сочинения и фотографии / И. Ф. Жданов. М.: Наука, 2005. 176 с.
7. Зайцева О. Н. Возможна ли национальная метафизическая картина мира? (В. Распутин и современная поэзия) / О. Н. Зайцева // Три века русской литературы: Актуальные аспекты изучения. М.; Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2008. Вып. 16: Мир и слово В. Распутина: Междунар. науч. конф., посвященная 70-летию В. Г. Распутина. С. 46-57.
8. Зырянов О. В. Инвариантный сюжет преобразования в русской лирике (Пушкин — Тютчев — Лермонтов) / О. В. Зырянов // Русская классическая словесность в этноконфессиональной перспективе. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. С. 45-65.
9. Левин Ю. И. Инвариантный сюжет лирики Тютчева / Ю. И. Левин; под общ. ред. Ю. М. Лотмана // Тютчевский сборник: Статьи о жизни и творчестве Ф. И. Тютчева. Таллинн: Ээсти раамат, 1990. С. 142-206.
10. Левинтон Г. А. Инициация и мифы / Г. А. Левинтон // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. М.: Советская энциклопедия, 1980. Т. 1. С. 543-544.

11. Лейдерман Н. Л. Метасюжет книги лирики как явление стиля (О. Мандельштам «Камень») / Н. Л. Лейдерман // XX век. Литература. Стиль. Стилиевые закономерности русской литературы XX века (1900-1930 гг.). Екатеринбург: Изд-во Урал. лица, 1994. С. 86-102.
12. Лейдерман Н. Л. Современная русская литература: 1950-1990-е годы: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений в 2 т. / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. М.: Издательский центр «Академия», 2003. Т. 2: 1968-1990. 688 с.
13. Мелетинский Е. М. О литературных архетипах / Е. М. Мелетинский. М.: Изд-во РГГУ, 1994. 136 с.
14. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70000 слов / С. И. Ожегов; под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Рус. яз., 1989. 924 с.
15. Первое соборное послание святого апостола Иоанна Богослова // Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2013. С. 1216-1220.
16. Радь Э. А. История «Блудного сына» в русской литературе: модификации архетипического сюжета в движении эпох: автореф. док. филол. наук / Э. А. Радь. Саратов, 2014. 45 с.
17. Рыбальченко Т. Л. Ситуация возвращения в сюжетах русской реалистической прозы 1950-1990-х гг. / Т. Л. Рыбальченко // Вестник Томского государственного университета. Филология. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. № 1. С. 58-82.
18. Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы. Экспериментальное издание / Ответ. ред. Е. К. Ромодановской. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. 144 с.
19. Тюпа В. И. Парадигмальный археосюжет в текстах Пушкина / В. И. Тюпа // *Arg interpretandi*. Сборник статей к 75-летию профессора Ю. Н. Чумакова. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. С. 108-120.
20. Элиаде М. Миф о вечном возвращении / М. Элиаде; пер. с англ. Е. Морозовой, Е. Мурашкинцевой. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/5855894/>
21. Элиаде М. Инициация: общий обзор / М. Элиаде; пер. с англ. и прим. И. С. Анофриев. URL: <http://religious-life.ru/>

Nikolai S. CHIZHOV¹
Sergei A. KOMAROV²

THE METAPLOT OF RETURN IN IVAN ZHDANOV'S POETRY

¹ Post-Graduate Student,
Department of Russian Literature,
Tyumen State University
chizhov.n.s@rambler.ru

² Professor,
Department of Russian Literature,
Tyumen State University
vitmark14@yandex.ru

Abstract

The aim of the study is to determine the features of the return metaplot functioning as an invariant pattern of lyrical eventness in I. Zhdanov's texts. The article explains the relevance of studying the poetics and axiology of creativity of classical and non-classical poets in terms of identifying the leading metaplot embodied by base motives system in the main corpus of their poetic texts. It is established that the metaplot's semantic potential in the poetry of the author of "Air and wind" is determined by the projection on the Christian (the parable of the Prodigal Son story), antique (the myth of Ulysses), and ritual and ceremonial traditions. At the core of the latter lies the myth of the eternal return and the transition of initiation rite, according to which an adept passes the ritual path of spiritual development, which includes the phase of symbolic death and rebirth (the return).

The papers aims to prove that these cultural contexts endowed are given new semantics in the poet's work and become the symbols for return as Zhdanov's person spiritually overcomes individualist isolation from other people, separation from God, and alienation from the natural world in the process of mysterial transformation of life. The article fixes the incarnation of the return metaplot, first, on the level of individual motifs, distributed in the poetic texts of the author according to frequency; secondly, in distinct texts, which reveal one of the metaplot's

Citation: Chizhov N. S., Komarov S. A. 2016. "The Metaplot of Return in Ivan Zhdanov's Poetry". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 2, no 4, pp. 100-112. DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-4-100-112

elements; thirdly, on the text or group of texts level, where a full or reduced metaplot model is concretized in poetic images.

The authors conclude that the desire for spiritual renewal and the restoration of human consciousness on this basis of the original unity of the people and the integrity of the world is I. Zhdanov's desired dominant artistic thinking, which determines the appearance of the return metaplot to his work.

Keywords

Zhdanov, return, "prodigal son" mythologeme, metaplot and its phases, non-classical poetry type.

DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-4-100-112

REFERENCES

1. Antony Surozhskiy. Pritcha o bludnom syne [Antony Surozhskiy. The Parable of the Prodigal Son]. <http://www.pravoslavie.ru/2108.html>
2. Averintsev S. S. 1980. "Arkhetipy" [Archetypes]. In: Mify narodov mira. Entsiklopediya: in 2 vols, vol. 1, p. 111. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
3. Dashevskaya O. A. 2005. Mifotvorchestvo V. Solovyeva i "solovyevskiy tekst" v poezii XX veka [Mythmaking of V. Soloviev and "Solovyev Text" in the Poetry of the Twentieth Century]. Tomsk: Izd-vo Tom.un-ta.
4. Eliade M. Initsiatsiya: obshchiy obzor [Initiation: An Overview]. Translation from English and commentaries by I. S. Anofriyev. <http://religious-life.ru>
5. Eliade M. Mif o vechnom vozvrashchenii [The Myth of the Eternal Return]. Translated from English by Ye. Morozova and Ye. Murashkintseva. <http://www.studfiles.ru/preview/5855894>
6. Izdatelstvo Moskovskoy Patriarkhii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi. 2013. "Pervoye sobornoye poslaniye svyatogo apostola Ioanna Bogoslova" [The First Epistle of St. John Divine]. In: Bibliya. Knigi Svyashchennogo pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta, pp. 1216-1220. Moscow.
7. Levin Yu. I. 1990. "Invariantnyy syuzhet liriki Tyutcheva" [The Invariant Plot of Tyutchev's Poetry]. Edited by Yu. M. Lotman. In: Tyutchevskiy sbornik: Stati o zhizni i tvorchestve F. I. Tyutcheva, pp. 142-206. Tallinn: Eesti raamat.
8. Levinton G. A. 1980. "Initsiatsiya i mify" [Initiation and Myths]. In: Mify narodov mira. Entsiklopediya: in 2 vols, vol. 1, pp. 543-544. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
9. Leyderman N. L. 1994. "Metasyuzhet knigi liriki kak yavleniye stilya (O. Mandelshtam 'Kamen')" [The Metaplot of a Book of Lyrics as a Style Phenomenon (Osip Mandelstam "Stone")]. In: XX vek. Literatura. Stil. Stilevyye zakonomernosti russkoy literatury XX veka (1900-1930 gg.), pp. 86-102. Yekaterinburg: Izd-vo Ural. Litseya.
10. Leyderman N. L., Lipovetskiy M. N. 2003. Sovremennaya russkaya literatura: 1950-1990-ye gody: ucheb. posobiye dlya stud. vyssh. ucheb. zavedeniy [Modern Russian Literature: 1950s-1990s: University Textbook], in 2 vols, vol. 2: 1968-1990. Moscow: Akademiya.

11. Meletinskiy Ye. M. 1994. O literaturnykh arkhetypakh [On the Literary Archetypes]. Moscow: Izd-vo RGGU.
12. Ozhegov S. I. 1989. Slovar russkogo yazyka: 70 000 slov [Russian Dictionary: 70,000 Words]. Edited by N. Yu. Shvedova. Moscow: Rus. yaz.
13. Rad E. A. 2014. "Istoriya 'Bludnogo syna' v russkoy literature: modifikatsii arkhetypicheskogo syuzheta v dvizhenii epokh" [The Story of "Prodigal Son" in the Russian Literature: The Modification of the Archetypal Story in Different Periods]. Dr. Sci. (Philol.) diss. abstract. Saratov, 45 p.
14. Romodanovskoy Ye. K. (ed.). 2003. Slovar-ukazatel syuzhetov i motivov russkoy literatury. Eksperimentalnoye izdaniye [The Glossary of Pointer Themes and Motifs of Russian Literature. Experimental Edition]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN.
15. Rybalchenko T. L. 2012. "Situatsiya vozvrashcheniya v syuzhetakh russkoy realisticheskoy prozy 1950-1990-kh gg." [The Situation of Returning to the Plots of the Russian Realistic Prose in 1950s-1990s]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, no 1, pp. 58-82.
16. Tyupa V. I. 1997. "Paradigmálny arkhetypsyuzhet v tekstakh Pushkina" [Paradigmatic Archeplot in the Texts of Pushkin]. In: Ars interpretandi. Sbornik statey k 75-letiyu professora Yu. N. Chumakova, pp. 108-120. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN.
17. Yesenin S. A. 1976. Stikhotvoreniya i poemy [Poetry and Poems]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
18. Zaytseva O. N. 2008. "Vozmozhna li natsionalnaya metafizicheskaya kartina mira? (V. Rasputin i sovremennaya poeziya)" [Is a National Metaphysical View of the World Possible? (V. Rasputin and Modern Poetry)]. In: Tri veka russkoy literatury: Aktualnyye aspekty izucheniya, vol. 16: Mir i slovo V. Rasputina: Mezhdunar. nauch. konf., posvyashchennaya 70-letiyu V. G. Rasputina, pp. 46-57. Moscow; Irkutsk: Izd-vo Irkut. un-ta.
19. Zhdanov I. F. 2005. Vozdukh i veter. Sochineniya i fotografii [Air and Wind. Writings and Photos]. Moscow: Nauka.
20. Zhdanov I., Shatunovskiy M. 1998. Dialog-kommentariy pyatnadsati stikhotvoreniy Ivana Zhdanova [Dialog-Commentary of the Fifteen Poems by Ivan Zhdanov]. Moscow: Izdatelstvo Universiteta istorii kultur.
21. Zyryanov O. V. 2014. "Invariantnyy syuzhet preobrazheniya v russkoy lirike (Pushkin–Tyutchev–Lermontov)" [Invariant Story of Transformation in the Russian Lyrics (Pushkin–Tyutchev–Lermontov)]. In: Russkaya klassicheskaya slovesnost v etnokontsionalnoy perspektive, pp. 45-65. Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.